

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ ИЗДРЖЕК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. (к постановке проблемы)

Н. Н. Трошин

Российский институт стратегических исследований, г. Москва

Подсчет материальных издержек Отечественной войны 1812 г. и последующих заграничных походов русской армии, до сих пор представляет собой серьезную проблему для исследователя.

Под материальными издержками войны обычно понимается вся совокупность материальных средств, поглощенных в ходе военных действий. Часть стоимости этих средств, покрываемая за счет бюджета, составляет так называемые бюджетные издержки войны. С тех пор как профессор А. Н. Куломзин опубликовал списки государственным доходам и расходам и отчеты об их исполнении в царствование Александра I посчитать величину таких издержек для Отечественной войны 1812 г. в принципе не сложно.

Методика этих расчетов впервые была опробована в Англии еще в 1782 г. специальным комитетом, созданным для определения расходов на войну с американскими колониями. Она заключается в том, что сумма всех издержек Военного и Морского министерств за годы войны уменьшается на их штатные расходы мирного времени. Иначе говоря, расходами на войну признаются те средства, которые пришлось затратить сверх того, что обыкновенно необходимо для содержания войск в мирное время.

Всего указанные ведомства в 1812–1815 гг. истратили ровным счетом 1 млрд руб. Если принять их штатные расходы за 100 млн руб., то получится, что издержки Отечественной

войны 1812 г. и заграничных походов русской армии составили в общей сложности 600 млн руб.

Названная цифра может еще уточняться. Например, за счет включения сумм, которые российское правительство согласилось дополнительно выплатить Австрии и Пруссии по конвенциям о ликвидации счетов за поставленное в 1813–1815 гг. продовольствие. Или в результате иного определения суммы военных расходов мирного времени. Но в любом случае это будет лишь вершина айсberга.

Во-первых, уже в то время далеко не все военные расходы оплачивались из средств, авансированных Военному ведомству. Однако, начиная с 1812 г. в опубликованных отчетах об исполнении бюджета дается лишь общий итог расходов по каждому ведомству. Соответственно, вычленить военные издержки в сметах гражданских министерств не представляется возможным без обращения к первичным документам.

Во-вторых, значительная часть военных расходов в 1812 г. была оплачена не из бюджета, а напрямую населением. Большую часть времени армия содержалась, как тогда говорили «от земли», – за счет реквизиций или пожертвований (в том числе добровольных) со стороны местного населения. Правительство, разумеется, пыталось учесть эти расходы, рассыпая формуляры и запрашивая отчеты. Однако уже к 1836 г. многие документы были утеряны. Это выяснилось, когда А. И. Михайловский-Данилевский начал собирать по губерниям сведения для своего «Описания Отечественной войны 1812 года». Тем не менее, некоторые заключения на основании сохранившихся данных сделать все-таки можно.

Прежде всего, следует остановиться на рекрутских наборах. Эта тема неизменно ускользает от внимания исследователей, занимающихся подсчетом материального вклада населения в финансирование Отечественной войны 1812 г. В лучшем случае упоминается число поставленных рекрутов.

Точное число мобилизованных в 1812 г. людей неизвестно, но по расчетам Военного министерства оно должно было составить

Таблица 1

Стоимость сдачи одного рекрута в 1812 г.

	Рязанская губ., 82 набор	Рязанская губ., 83 набор	Гор. Вятка, 82 набор	Пензенская губ., 83 набор
На обмундирование	55 р.	58 р. 50 к.	54 р. 32 к.	65 р. 25 к.
На провиант и жалование	11 р. 26 к.	12 р. 39 $\frac{3}{4}$ к.	11 р. 19 к.	8 р. 86 к.
в т.ч. мука	7 р. 6 $\frac{3}{4}$ к.	7 р. 50 к.		3 р. 90 к.
крупа	98 $\frac{1}{4}$ к.	1 р. 68 $\frac{3}{4}$ к.		1 р. 78 к.
соль	21 к.	21 к.		18 к.
Жалование	3 р.	3 р.		3 р.
Провоз и содержание			22 р. 90 к.	
Всего	66 р. 26 к.	70 р. 89 $\frac{3}{4}$ к.	88 р. 41 к.	74 р. 11 к.

При мечани е. По Рязанской губернии круп 4,5 гарнца.

Впрочем, если обратиться к сведениям о том, сколько денег действительно собиралось по губерниям в ходе рекрутского набора, то обнаружится, что средняя стоимость отдачи одного рекрута превышала 100 рублей. Так, в ходе 82-го набора в целом по Вятской губернии она составила 102,63 руб. [4], а по Саратовской – 107,21 руб. При этом по уездам Саратовской губернии средняя стоимость отдачи колебалась от 101,23 руб. до 113,5 руб. [5, с. 76]. То есть стоимость отдачи одного рекрута повышается в этом случае до 105 руб.

Надо признать, что в ряде случаев деньги с населения взимались незаконно. Так, например, С.В.Белоусов приводит сведения, что в Пензенской губернии с «казенных поселен» Саранска, поставивших 44 рекрута, было собрано 10 048,13 руб. То есть сдача одного рекрута обошлась им более чем в 228 рублей! По этому случаю, губернский прокурор поручил местным чиновникам провести следствие, находя, что «таковый расход денег, употребленный на отдачу рекрут, превосходит всякое вероятие и совершенно отяготительный для поселен и долженствующий заключить в себе злоупотребление и лихоимство» [6, с. 134].

65–70 тыс. чел. по 82-му набору, 181 585 чел. – по 83-му набору и 174 899 чел. – по 84-му. Всего, следовательно, 421 484 – 426 424 чел. [1, с. 132]. Принимая во внимание, что количество недоимочных рекрутов по мере увеличения наборов могло значительно увеличиться, будем считать, что в 1812 г. всего было мобилизовано 400 тыс. чел.

Но помимо предоставления рекрута на отদатчиках лежала обязанность снабдить его провиантом по утвержденным правительством нормам – 6 четвериков муки, 3 гарнца круп и 6 фунтов соли. С 1808 г. сбор продовольствия натурой был заменен денежным взносом. Кроме того, если раньше рекрут сдавался в своей собственной одежде, то отныне он должен был быть обмундирован на солдатский манер. Отдатчик, впрочем, вместо денег за «рекрутский мундир», мог предоставить необходимый для его постройки материал и оплатить только пошив. Наконец, рекруту полагалось жалование в размере 3 руб., которое также предоставлялось отদатчиком.

В Рязанской губернии, как свидетельствуют материалы рекрутского присутствия, стоимость всего вышеперечисленного составляла (табл. 1) 66 руб. 26 коп. в ходе 82-го набора и 70 руб. 89 $\frac{3}{4}$ коп. в ходе 83-го набора [2, с. 127, 132–133]. В Пензенской губернии сдача одного рекрута по 83-му набору обходилась отদатчикам в 74 руб. 11 коп. [3, с. 89–90, 92].

Из этого ряда, на первый взгляд, выпадает стоимость сдачи рекрута в Вятке по 82-му набору. По данным, которые приводит Э. А. Цеглеев, она обходилась мещанскому сообщству в 88 руб. 41 коп. Однако в этой сумме 20 руб. 90 коп. приходится на «провоз и содержание» – статью, которая не была предусмотрена ни одним документом, регламентировавшим сбор рекрут. Пока трудно сказать, была ли это местная инициатива или что-то другое, но за их вычетом стоимость отдачи одного рекрута составит 65 руб. 51 коп., что вполне согласуется с имеющимися данными по другим губерниям. Таким образом, получается, что стоимость сдачи одного рекрута в среднем составляла в 1812 г. около 70 руб.

Представляется, что подобные случаи носили все же единичный характер. Однако вопрос о стоимости сдачи одного рекрута остается открытым. Тем не менее, общий объем средств, затраченных населением на то, чтобы отправить в армию 400 тыс. рекрутов, может быть оценен в 28–42 млн руб. (при стоимости сдачи одного рекрута в 70 и 105 руб. соответственно).

Наряду с поставкой рекрутов в регулярную армию, населением в 1812 г. выставлялись еще и ратники для ополчения. Казалось бы, тема ополчения изучена достаточно хорошо. Тем не менее, общее число ратников все еще остается дискуссионным. В энциклопедии «Отечественная война 1812 года» приведен разброс цифр по округам, на основании которого можно заключить, что численность ополчения составляла от 208,6 тыс. чел. до 234,4 тыс. чел. [7, с. 522]. Что же касается стоимости его формирования и содержания, то об этом не сказано ни слова.

Фактически вопрос издержек на содержание ополчений оказался подменен принципиально иным вопросом – о количестве пожертвований. Между тем, далеко не все пожертвованные средства тратились на нужды исключительно ополчения.

Весьма показателен в этом смысле отчет об использовании сумм, пожертвованных на Московское ополчение. Всего, по словам его начальника И. И. Маркова, поступило пожертвований на 3 971 894,25 руб., в том числе вещами «употребительными и неупотребительными для войск» – на 167 077 руб. 34 ½ коп. и провиантом (мукой, сухарями и крупой) – на 254 356 руб. 57 ¼ коп., остальное деньгами. Из этой суммы было истрачено на нужды собственно ополчения только 359 097,7 руб., в том числе вещей – на 27 928,45 руб. и продовольствия на 194 672,37 руб. Еще 880 981 руб. 19 ½ коп. потрачено «на разные предметы, в состав ополчения не входящие». Основная же сумма пожертвованных средств, а именно 2 853 991 руб. 52 ¼ коп.¹ – была передана

в Московскую казенную палату [8, с. 53, прим. 2], т.е. зачислена в доход бюджета и использована в дальнейшем для финансирования других расходов. Другими словами, из почти 4 млн руб., поступивших в качестве пожертвований, собственно на ополчение было истрачено менее 10 % средств.

Таким образом, суммарные данные о величине пожертвований нельзя непосредственно использовать для подсчета материальных издержек Отечественной войны 1812 г. Предварительно необходимо как минимум вычесть те суммы, которые поступили в Государственное казначейство. Таковых в отчете об исполнении бюджета за 1812 г. показано всего 84 558,64 руб. [9, с. 468]. В отчетах за 1813–1815 гг. они уже не выделяются отдельно, но включены в общую статью с целым рядом других поступлений, что опять-таки заставляет обращаться к первичным документам.

В ряде случаев в источниках содержаться упоминания об общих суммах, истраченных именно на снаряжение и содержание ополчения. Так, из ответов Пензенского губернатора на вопросы А. И. Михайловского-Данилевского, следует, что «обмундирование, вооружение и содержание ополчений стоило дворянству: 1-го – 696 150 р., резервного – 348 075 р.» [10, с. 5]. Это дает цифру ровно в 75 руб. на одного ратника. Отсутствие дробной части заставляет предположить, что общая сумма расходов была получена путем простого умножения числа ратников, которых надлежало поставить, на стоимость снаряжения и содержания одного, принятую за 75 рублей. Эта цифра вполне соответствует вышеприведенной стоимости отдачи одного рекрута в Пензенской губернии по 83-му набору.

В принципе так и должно было быть. Жалование ополченцам, как правило, было положено такое же, как и рекрутам. Продовольствие выделялось обычно по тем же нормам, которые существовали при отдаче рекрутов. И хотя предоставлялось оно преимущественно натурой, перевести его в денежную форму не составляло труда. Впрочем, применялись и повышенные нормы. В Вятской губернии, например, жалование

¹ Примечательно, что публикаторы указанного документа оставили без комментария превышение общей суммы израсходованных средств над величиной поступлений.

ратникам было установлено в размере 3,75 руб., а на провиант назначено каждому муки 5 пудов 16 фунтов (что соответствовало норме) на сумму 7,02 руб. и 6 гарнцев круп (что превышало норму в 2 раза) на сумму 2,10 руб. Всего на жалование и провиант 12,87 руб.

Что касается обмундирования, то Манифестом от 6 июля 1812 г. не предполагалось переодевать ополченцев в какую-то особую форму. Однако в докладе о составлении Московской военной силы, который послужил основанием для формирования ополчений в большинстве губерний, дворянству предлагалось снабжать ратников одеждой. От рекрутской она отличалась, главным образом, наличием кожаного (а не суконного как у рекрутов) ранца, кожаного же ремня с патронташем и латунного ополченческого креста, который крепился на головной убор. Стоимость этих вещей составляла порядка 5 рублей. Остальную необходимую одежду дворяне могли предоставлять ратникам опять-таки натурой, но ее стоимость, скорее всего, соответствовала стоимости рекрутского обмундирования. В Вятской губернии полное обмундирование одного ратника ополчения обошлось в итоге в 58 руб. 25 коп. [11, с. 88]. Таким образом, общая стоимость обмундирования и содержания одного воина ополчения в Вятской губернии составила 71,12 руб., что опять-таки сопоставимо с вышеприведенными расходами на одного рекрута в этой губернии.

Вместе с тем, снаряжение и содержание ополчения, в расчете на одного ратника, должно было обходиться дороже, чем сдача рекрутов. Во-первых, в ополчении многих губерний имелось конное формирование. В упомянутом ответе Пензенского гражданского губернатора сообщалось, что для первого ополчения было пожертвовано 660 лошадей на сумму 78 710 руб. и для резервного - 330 на 42 900 руб. Это дает среднюю стоимость одной лошади в 122,8 руб., что следует признать очень умеренной ценой. По имеющимся данным в феврале 1813 г. в Рязанской губернии за недоимочных лошадей для ополчения

предлагалось взыскивать 200 руб., а в сентябре того же года – даже 300 рублей [2, с. 517].

На содержание лошадей должен был выделяться фураж исходя из норм, принятых в регулярных войсках. В Вятской губернии, например, на одну лошадь было положено овса 4 четверти 1 четверик и 6 гарнцев на сумму 21,09 руб. и сена 45 пудов на сумму 22,50 руб. Всего Вятская губерния выставила по первому и добавочному ополчению 735 пеших и 96 конных ратников. Принимая стоимость одной лошади в 120 руб., получим, что снаряжение и содержание пешего и конного ополчений в Вятской губернии, в расчете на одного ратника, составляло 90,02 руб.

Кроме того, следует учесть стоимость подъемных лошадей, а также повозок, необходимых для перевозки сухарей и артельного имущества, которым надо было снабдить ополчение, и ответственного стоимость этого имущества. Например, для Нижегородского ополчения было изготовлено 1010 артельных котлов, которые обошлись в 3865 руб. 42 ½ коп. и 132 повозки с упряжью, для которых потребовалось 264 лошади. На фураж для подъемных лошадей на два месяца было истрачено 8635 руб. [12, с. 140, 112–113; 8, с. 421]. Если предположить, что стоимость повозки с упряжью составляла 110 руб., а подъемной лошади 100 руб.,¹ то получим стоимость обоза в расчете на одного ратника в размере 4,13 руб.

Наконец, нельзя забывать о стоимости вооружения. Правда, в основном это были пики, к тому же оставшиеся от милиции 1807 г. Ружья в ополчение поступали преимущественно из арсеналов и производился ли за них какой-либо расчет не известно. Но некоторое число огнестрельного оружия для ополчения все же было пожертвовано, кое-что куплено на рынке. Так, например, для Московского ополчения на Макарьевской яр-

¹ Цены за подъемную лошадь и повозку взяты из расчета затрат на подвижной магазин, который был сформирован в Нижегородской губернии осенью 1812 г.

марке было закуплено 1187 ружей на 14 860,5 руб. [8, с. 55]. С учетом перевозки они обошлись по 13,2 руб. за штуку.

Исходя из всего вышеизложенного, можно предполагать, что на снаряжение и содержание одного ратника были израсходованы в среднем не менее 100 рублей. В юбилейном издании «Московское дворянство в 1812 г.» снаряжение каждого ополченца было оценено в 150 рублей. Принимая общую численность ополчений в 200 тыс. чел. получим, что по этой статье населением было истрачено еще порядка 20–30 млн рублей. К этому надо добавить также затраты на ополчение, сформированное в Украинских губерниях.

Долгое время в отечественной литературе пожертвования, сделанные в 1812 г., рассматривались исключительно в связи с созывом ополчения. В последние годы появилось понимание, что они имели более широкий характер. Вместе с тем, возникший интерес к пожертвованиям на нужды регулярной армии в значительной степени оказался смешен в сторону определения степени их добровольности. В то же время вопросы использования средств, предоставленных населением, по-прежнему остаются в тени.

Еще до начала Отечественной войны 1812 г. правительство решило привлечь все сословия к формированию резервов. Указом от 1 мая 1812 г. Александр I уведомлял военного министра, что обмундирование и амуниция для 12 полков, вновь формирующихся из части рекрутов 82-го набора, будет доставлена от дворянства тех губерний, которые поставляют рекрут для указанных полков. Обеспечение же их обозом, подъемными лошадьми и упряжью возлагалось на городские общества этих губерний. Необходимые распоряжения гражданским губернаторам были подписаны 13 мая 1812 г.

Более-менее полные данные об исполнении этого поручения правительства сохранились по Пензенской губернии, которая снабжала обмундированием и обозом 2-й (позднее 8-й) пехотный Тамбовский полк, и Саратовской губернии, снажавшей 2-й (позднее 4-й) егерский Воронежский полк.

Согласно ведомости, составленной 2 ноября 1814 г. в канцелярии Пензенского губернатора, на обмундирование 8-го пехотного полка поступило от дворян этой губернии 132 687 руб., от удельных крестьян – 29 424,46 руб. К этому дворянством было прибавлено 53 132,20 руб., оставшихся от средств, собранных на покупку волов. Всего, следовательно, поступило 215 243,66 руб., из которых было употреблено 221 822,76 руб. При этом в недолимке никаких сумм указано не было [13, с. 67]. Вероятно, разница была покрыта за счет 15 тыс. руб., пожертвованных в мае-июне 1812 г., которые пензенское дворянство предполагало зачесть в счет причитающейся с него суммы на обмундирование пехотного полка.¹ Позднее, при ответе на один из вопросов А. И. Михайловского-Данилевского, сообщалось уже, что на обмундирование полка пожертвовано 221 865,83 руб. [10, с. 5].

В Саратовской губернии по состоянию на 2 января 1813 г. поступления на обмундирование для 4-го егерского полка с дворянских имений составили 192 941 руб. 57 ½ коп., в недолимке числилось 6 869 руб. 57 ½ коп. Кроме того с крестьян удельного ведомства было собрано 18 365,60 руб., а всего – 211 307 руб. 17 ½ коп. Из них отослано в несколько приемов к генерал-майору В. А. Русанову, на покупку необходимых для снаряжения полка вещей, и в Московское комиссариатское депо в сумме 145 194,33 руб. За тем оставалось 66 112 руб. 84 ½ коп. Эти деньги Саратовский губернатор никак не соглашался потратить, хотя губернский предводитель дворянства неоднократно предлагал использовать их на нужды дворянства.

¹ Эти 15 тыс. руб., по всей видимости, поступили на основании указа от 18 декабря 1811 г. о сборе пожертвований на военные нужды. Собственно говоря, изначально предполагалось, что формирующиеся полки будут обмундированы за счет вещей, поступивших от населения на основании этого указа. И только недостающие предметы предполагалось требовать от дворян. На практике реализация указа от 18 декабря 1811 г. фактически провалилась, а судьба все-таки сделанных пожертвований неизвестна, так же как и упомянутых 15 тыс. рублей. Ни в каких отчетах они больше не упоминаются.

В начале 1815 г. В. А. Русанов прислал Саратовскому губернатору все счета и бухгалтерские книги, относящиеся до обмундирования 4-го егерского полка. Оказалось, что сверх полученных от местных дворян денег было истрачено из сумм, высланных от пензенского дворянства 9523 руб. 15 ¼ коп. и симбирского – 1151 руб. 1 ½ коп. [14, с. 30-31]. Таким образом, в общей сложности стоимость обмундирования егерского полка в Воронеже составила 156 278 руб. 49 ¾ коп. Но даже за удовлетворением дворян пензенской и симбирской губернии у Саратовского губернатора должно было оставаться более 55 тыс. рублей. Об их судьбе источники умалчивают, равно как и о том, были ли произведены расчеты с дворянами названных губерний.

Такой же отчет от генерал-майора В.А. Русанова 1 марта 1815 г. получил и Пензенский губернатор. В нем указывалось, что из поступивших от пензенского дворянства 220 647,52 руб. на обмундирование собственно 8-го пехотного полка было истрачено 186 552 руб. 35 ½ коп. Кроме того, на снаряжение 6-го пехотного Рязанского и 4-го егерского Воронежского из-за несвоевременного представления средств из Симбирской и Саратовской губерний было израсходовано 8635 руб. 7 ½ коп. и 9523 руб. 15 ¼ коп. соответственно [13, с. 67-68]. За вычетом потраченных денег на руках у В. А. Русанова должно было остаться 15 936 руб. 93 ¾ коп., о судьбе которых также ничего не сообщается.

Таким образом, только по двум губерниям было собрано на 90 тыс. руб. больше, чем в действительности истрачено, что составляет 1/5 от суммы пожертвованных средств. Всего же на обмундирование 4-х егерских и 8-ми пехотных полков, если принять за основу, что снаряжение егерского полка обходилось в 156 тыс. руб., а пехотного – в 186 тыс. руб., было израсходовано 2,1 млн руб. Между тем как пожертвования дворянства на обмундирование и амуницию превышали 2,4 млн руб.

Отдельно стоит сказать об обозе для этих полков. Его построение было возложено на Московского коменданта генерал-лейтенанта И. Х. Гессе. В рапорте от 20 июля 1812 г. на имя

Ф. В. Ростопчина он сообщал, что уведомил гражданских губернаторов о примерной стоимости обоза, которая должна была составить 11 725 руб., да за упряжь по 50 руб. на каждую. При этом подъемных лошадей он рекомендовал приобретать на местах, так как в Москве и за 100 руб. нельзя было купить хорошую [15, с. 209].

Между тем, Ф. В. Ростопчин своей властью заключил 1 июля 1812 г. контракт на постройку сухарных фур и патронных ящиков, составлявших лишь часть необходимого обоза. Изготовление одной фуры обходилось в 375 руб., а патронного ящика – 225 руб. Для одного полка требовалось 12 сухарных фур и такое же количество патронных ящиков, в общей сложности на 7200 руб. Такую сумму московский комендант получил только из трех губерний: Воронежской и Рязанской, чьи представители лично приезжали в Москву, а также Костромской. Кроме того, направленный из Саратовской губернии комиссионер передал И. Х. Гессе 9200 руб. Из остальных губерний присылались, как правило, более крупные суммы.

Всего Московскому коменданту поступило 198 770,80 руб., что было намного больше суммы необходимой для уплаты по контракту. Однако отсылать обратно излишние средства он не торопился. Впрочем, когда в Москву приехал комиссионер из Тамбовской губернии, то И. Х. Гессе вернул ему часть денег из присланных от Тамбовского губернатора 20 тыс. руб., оставив у себя лишь 9200 руб.

Всего к 23 августа 1812 г. подрядчики смогли изготовить 108 пар сухарных фур и патронных ящиков, за которые им причиталось 64,8 тыс. руб. В том числе 72 пары фур и ящиков были закончены полностью, а 36 пар не успели покрасить из-за того, что все работники успели уже разбежаться. Тогда же Московским комендантом было выплачено подрядчикам 33 тыс. руб. за 55 пар фур и ящиков. Следовательно, за полностью готовые фуры и патронные ящики, им причиталось еще 10,2 тыс. руб. Однако 1 сентября 1812 г., накануне вступления французов

в Москву, И. Х. Гессе принял решение выплатить 28 тыс. руб., хотя было очевидно, что вывести остающиеся фуры и ящики нет никакой возможности и они, скорее всего, погибнут. Еще 4,8 тыс. руб. составили расходы по отправке 24 пар фур и ящиков для двух полков во Владимир, половина из которых была выплачена извозчикам авансом.

За вычетом этих расходов у И. Х. Гессе оставалось 122 170,80 руб., о которых, похоже, все забыли, пока 28 ноября 1812 г. Александр I не велел А. А. Аракчееву выяснить судьбу обоза. Только тогда, подавая 5 декабря 1812 г. рапорт Ф. В. Ростопчину, Московский комендант поинтересовался, куда эти деньги отправить [16, 236–242]. Учитывая, что личный состав сформированных по указу от 1 мая 1812 г. полков пошел на дополнение действовавшей армии, вопрос о возобновлении постройки для них обоза отпал сам собой.

Какие-то суммы, поступившие на построение обоза от городских сословий, оставались в распоряжении гражданских губернаторов. В ряде губерний средств было собрано на много больше, чем отослано в Москву, а Вологодская, Вятская и Нижегородская губернии и вовсе не выслали денег И. Х. Гессе. Часть этих средств была использована для приобретения подъемных лошадей и упряжи. Во всяком случае, в Пензенской губернии, переславшей Московскому коменданту все 35 306 руб., поступившие с купечества, возникла необходимость дополнительно собрать 15 607,06 руб. на покупку 90 лошадей для обоза [10, с. 5].

По имеющимся данным на 15 сентября 1812 г. в полках под командованием генерал-майора князя Н. Ю. Урусова было 307 подъемных лошадей [16, с. 93], на которых могло быть истрачено до 53 тыс. руб. Примерно такое же количество лошадей, скорее всего, находилось и в дивизии генерал-майора В. А. Русанова. Так что всего на них следует положить до 110 тыс. руб. Сведений же о постройке на местах повозок и ящиков для обоза не выявлено. Таким образом, получается,

что была израсходована едва ли половина из тех более чем 400 тыс. руб., которые купечество и мещанство пожертвовало на составление обоза.

Наряду с участием в формировании резервов для армии население несло расходы на сбор волов, создание запасов продовольствия и фураж, поставку для армии лошадей, сапог и полушибков, на составление и отправление к войскам подвижного магазина и т.д.

Больших затрат потребовало выполнение резко возросшей подводной повинности. В одной только Псковской губернии для перевозки «военных тягостей» в 1812 г. было выставлено 460 282 подводы. Содержание возчиков и лошадей для них, по сделанной оценке, обошлось в 12 585 550 руб., при том, что общая сумма пожертвований по губернии составила 14 352 334 руб.

По мнению К. Б. Жучкова «губернские власти в «юбилейном» разе сфальсифицировали» эти сведения [17, с. 85–90]. Впрочем, какой юбилей отмечался в 1834 г., когда названные цифры были упомянуты в составленной министерством финансов общей «Ведомости пожертвований» он не объясняет. Более того, как показал В. А. Бессонов, сам документ был создан гораздо раньше и явился ответом на циркуляр, разосланный правительством 5 августа 1813 г., с целью собрать сведения о величине материальных пожертвований населения. В свете этого, трудно предположить, что местные власти могли рискнуть «бессовестно завысить» реальные данные.

Что же касается превышения количества подвод, выставленного населением под «своз военных тягостей», над числом ревизских душ, в невозможности чего уверен К. Б. Жучков, то архивные документы свидетельствуют, что и в других местах имело место подобное. В Малоярославецком уезде, например, по неполным данным в 1812 г. было выставлено 30 тыс. подвод с 14 379 душ помещичьих крестьян. Всего же Калужская губерния предоставила 210 475 подвод, содержание которых было оценено в 2 617 984,52 руб. [18, с. 45–46, 236, 243, 244].

Наконец, чтобы завершить подсчет материальных издержек Отечественной войны 1812 г., следовало бы обратиться к расчетам по квитанциям за взятое у местных жителей продовольствие и фураж. К сожалению, до сих пор это практически не изученная тема, так что пока даже трудно просто оценить порядок цифр, о которых может идти речь. Особенно если учесть, что сами квитанции выдавались далеко не всегда.

В заключение необходимо отметить, что материальные издержки Отечественной войны 1812 г., которые несло непосредственно население, были ничуть не меньше профинансированных из бюджета. По всей видимости, министр финансов Д. А. Гурьев был недалек от истины, когда говорил, что «ополчениями, наборами, воинскими требованиями, нарядами и пожертвованиями, по весьма умеренному исчислению», население в 1812 г. оплатило до 200 млн рублей военных расходов.

Список литературы

1. Столетие Военного министерства 1802–1902. Т. IV. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. I, кн. I, отдел II, Комплектование армии в царствование императора Александра I. – СПб., 1902. – 211 с.
2. Проходцев, И. И. Рязанская губерния в 1812 году преимущественно с бытовой стороны : материалы для истории Отечественной войны. Ч. I / И. И. Проходцев. – Рязань, 1913. – 636 с.
3. Белоусов, С. В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий / С. В. Белоусов. – Пенза, 2012. – 312 с.
4. Цеглеев, Э. А. 82-й рекрутский набор 1812 г. в Вятской губернии / Э. А. Цеглеев // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 4. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/04/33901> (дата обращения: 21.11.2014).
5. Тотфалушин, В. П. Саратовский край и наполеоновские войны: к 200-летию Отечественной войны 1812 года / В. П. Тотфалушин. – Саратов, 2011. – 216 с.
6. Белоусов, С. В. Рекрутские наборы в Пензенской губернии в эпоху Отечественной войны 1812 года / С. В. Белоусов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XVI Междунар. науч. конф. (Бородино, 6–7 сентября 2010 г.). – Можайск, 2011. – С. 128–152.
7. Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. – М., 2004. – 880 с.
8. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года : сб. документов / под ред. Л. Г. Бескровного. – М., 1962. – 546 с.
9. Финансовые документы царствования императора Александра I // Сборник русского исторического общества. – СПб., 1885. – Т. XLV. – 623 с.
10. Апухтин, В. Р. Краткий очерк истории сформирования и действий Пензенского дворянского ополчения в Отечественную и освободительную войны 1812–1814 годов / В. Р. Апухтин. – М., 1912. – 48 с.
11. Цеглеев, Э. А. Ополчение Вятской губернии в 1812–1814 гг. / Э. А. Цеглеев // Вопросы истории. – 2010. – № 6. – С. 86–98.
12. Нижегородская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года. – Нижний Новгород, 2012. – 360 с.
13. Белоусов, С. В. Формирование жителями Пензенской губернии 8-го Тамбовского пехотного полка в 1812 г. / С. В. Белоусов // Вестник Самарского государственного университета. – 2012. – № 2/2 (93). – С. 65–69.
14. Хованский, Н. Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года / Н. Ф. Хованский. – Саратов, 2012. – 113 с.
15. Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 1. – М., 2011. – 576 с.
16. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной его императорского величества канцелярии. – Вып. 11. – СПб., 1902. – 510 с.
17. Жучков, К. Б. Как псковские мужики в 1812 году «все на войну уехали» / К. Б. Жучков // Псков. – 2012. – № 37. – С. 85–90.
18. Бессонов, В. А. Калужский край в Отечественной войне 1812 г. / В. А. Бессонов. – Калуга, 2011. – 256 с.